

эта классификация объективно отражает возможности различной переводческой интерпретации текста оригинала. Все типы стилистических сдвигов иллюстрируются яркими примерами перевода произведений английской, немецкой, русской, венгерской, чешской и словацкой литературы (в основном, поэзии).

Детально описывая различные возможности передачи текста на другой язык, автор постоянно подчеркивает необходимость комплексного, «всеуровневого» перевода. «Идеальный перевод, претендующий на стилистическую однородность, — пишет он, — должен быть именно переводом на уровне текста» (с. 83). Такой перевод лучше всего сохраняет инвариантную информацию в рамках стилистического сдвига. Отсюда и здоровый скепсис автора по отношению к машинному переводу, характериз�уемому в книге как «бестилевой», обезвоженный в отношении избирательности, как своеобразный «антитекст».

В книге А. Поповича немало свежих и оригинальных идей, метких наблюдений, тонких аналитических очерков отдельных переводов. Ярки, например, его анализ переводов стихотворения Вознесенского «Рублевское шоссе» на английский, словацкий, чешский и венгерский языки или интерпретация многочисленных переводов «Виндзорских насмешниц» Шекспира. Именно благодаря таким конкретным интерпретационным этюдам его теоретическая концепция кажется привлекательной и убедительной.

Не все в этой концепции, разумеется, бесспорно. Поскольку иллюстрации к теоретическим положениям избираются А. Поповичем в основном из переводов поэзии, то возникает сомнение — все ли его теоретические выводы равно действительны и для переводов прозаических? Подчеркивание права переводчика на весьма большую свободу интерпретации оригинального текста, например, обусловлено, как кажется, именно «поэтической избирательностью» иллюстраций. Известно, что проза гораздо жестче регламентирует языковые условия перевода, чем поэзия, а поэтому и мера «стилистического сдвига» оригинала здесь должна быть иной.

Книга А. Поповича написана несколько усложненным языком, что в некотором отношении объективно обусловлено необходимостью точно характеризовать новые понятия, формулируемые автором. К ней поэтому прилагается специальный

словарь, где толкуются эти термины. Не все из них, однако, кажутся необходимыми или требуют специальной «терминологической дефиниции». Ср. вошедшие в предлагаемый словарь псевдотермины «переводчик» и «переводческая пара» и их толкования: «Переводчик — приемник иноязычного сообщения (текста), декодировщик и одновременно кодировщик-передатчик сообщения (текста) на другом языке»; «Переводческая пара — объединение специалиста, знающего язык, и писателя (поэта) в процессе перевода. Возникает в результате необходимости реализации двух фаз переводческого процесса — анализа (декодирования оригинала специалистом) и синтеза (кодирование перевода поэтом)» (с. 189). В издании книги немало опечаток в иностранных контекстах и ссылках (например, на с. 6, 15, 81, 95, 135, 178 и др.).

Необходимо подчеркнуть тщательность и точность перевода со словацкого языка этой весьма сложной по своей терминологии и проблематике книги, а также тонкую редакцию этого перевода Н. А. Кондрашовым. Свежо и проблемно написано и предисловие к работе А. Поповича. Автор этого предисловия, известный советский теоретик перевода П. Топер, объективно оценивает место концепции А. Поповича в современной науке о переводе и дает сжатый и емкий анализ этой концепции.

Дискуссионность и усложненность отдельных положений труда А. Поповича во многом обусловлены объективной многоаспектностью теории и практики перевода как особой лингвистической дисциплины, а также сложностью самого труда переводчика, который, по справедливому замечанию А. Поповича, «одновременно и меньше, и больше, чем писатель» (с. 54). Ведь перевод, особенно перевод поэтических произведений, подобен стрельбе из трехтетивного лука, описанной в «Божественной комедии» Данте. Переводчику, словно дантовскому лучнику, приходится учитывать триединую и в то же время разнонаправленную цель своих стрел. Эта цель — стремление к эквивалентности передачи оригинала при необходимости его творческого преобразования и социально-хронологического приближения к своему читателю. Понять секрет мастерства, с которым подлинный переводчик поражает эту цель, помогает книга А. Поповича.

Мокиенко В. М.

Южные говоры таджикского языка. Под общ. ред. Расторгуевой В. С. — Душанбе: Дониш. Т. 1 — 1980, 328 с.; т. 2 — 1979, 249 с.; т. 3 — 1979, 268 с. (на тадж. яз.)

Таджикская диалектология пополнилась новым важным трудом. Мы имеем в виду пятитомное издание «Южные говоры таджикского языка», предпринятое Институтом языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР под общим руковод-

ством и редакцией заслуженного деятеля науки Таджикской ССР доктора филологических наук профессора В. С. Расторгуевой. Ответственные редакторы издания — видные ученые Таджикистана Д. Т. Таджиев, Р. Л. Неменова, Р. Гаф-

фаров. Авторы томов: Р. Л. Неменова, Г. Джурев (1), Р. Л. Неменова, А. Л. Хромов, Дж. Муратов, С. Атабуллаев, Б. Саадуллаев (2), Р. Гаффаров (3). К настоящему времени вышли из печати три первых тома, еще два тома находятся в печати.

Рецензируемый труд представляет собой новый этап в исследовании таджикских говоров. Его появление тесно связано с общим развитием таджикской диалектологии, особенно в последние пятьдесят лет. Ему предшествуют многочисленные описания отдельных говоров, в том числе и южных, и такая работа обобщающего характера, как «Опыт сравнительного изучения таджикских говоров», принадлежащая перу В. С. Расторгуевой. Существенным для его создания является также общий уровень развития отечественного языкознания и, в частности, таджикского, разработка различных сторон таджикского литературного языка, его фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

«Южные говоры таджикского языка» — это фактически первый опыт углубленного полного исследования одной из значительных групп таджикских говоров, результат работы участников многолетней планомерной экспедиции, предпринятой Отделом истории языка и диалектологии Института языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР.

Первый том (ответственные редакторы — Р. Гаффаров, Р. Л. Неменова, ответственный по печати — М. Махмудов), кроме предисловия и обширного введения, относящихся к работе в целом, состоит из разделов «Фонетика» и «Лексика». Во введении (автор Р. Л. Неменова) приводятся подробные сведения историко-этнографического характера, базирующиеся как на данных научной литературы, так и на собственных наблюдениях автора. Очень интересны, например, сведения относительно переселения таджиков из южного Таджикистана в другие районы, в частности, северные — в Фергану, Бухару, Самарканд, их контакты в прошлом с различными народами, проживающими как на территории Советского Союза, так и за его пределами. Так, часть южных таджиков, а именно каратегинцы, переселившаяся из южного Таджикистана в Фергану и находящаяся там в окружении узбекоязычного населения, утратила некоторые черты южной таджикской речи, другая часть тех же каратегинцев, переселившаяся в таджикоязычный район, сохранила южный тип говора. Материалы по истории и этнографии таджиков южного Таджикистана, широко используемые автором введения, способствуют раскрытию особенностей южных говоров, путей их развития.

Во введении затрагиваются такие сложные вопросы, как этнический состав южного Таджикистана, процесс смешения и взаимовлияния таджиков и тюркоязычного населения; привлекаются данные антропологии для обоснования давности пребывания южных таджиков на исследуемой территории; пересматриваются границы распространения южных говоров, уточняются их пределы, вносятся допол-

нения в классификацию южных говоров (в их делении на подговоры).

В разделе «Фонетика» (автор Р. Л. Неменова) дается детальное описание фонетического состава южных говоров сравнительно с литературным языком при учете его современного и более древнего состояния. Фиксируется степень употребительности того или иного звука, особенности его произношения в зависимости от различных фонетических условий, подчеркиваются различия между говорами. Особое внимание уделяется звукам, представляющим специфику южных говоров — гласному *ъ*, а также фарингальным согласным (*‘(айн)*), *ħ*, *ʕ*; наличие или отсутствие этих звуков принимается за основу при классификации данных говоров внутри группы.

Описывая систему вокализма, автор приходит к выводу, что главным для гласных южных говоров является их качественная сторона, хотя количественный признак в некоторых фонетических позициях может быть решающим фактором в изменении качества гласного. Гласные южных говоров по своей количественной характеристике, в отличие от литературного языка и многих говоров, делятся на три группы: 1) устойчивые, не изменяющиеся в целом в качественном и количественном отношениях — *у*, *е*, *о*; 2) неустойчивые (или нейтральные), изменяющиеся, в основном, в открытом безударном слоге — *а*, *и*; 3) неустойчивый, подверженный сильному сокращению и противопоставляемый по краткости остальным гласным — *ь*. Гласный *и*, сравнительно более краткий и менее устойчивый, чем *а*, объединяется с ним в одну группу по причине их общего перехода в *ь* в случае сокращения.

Обстоятельно даны фонетические особенности звуков в потоке речи. На многочисленных примерах (с говорными различиями) демонстрируются оглушение звонких и озвончение глухих согласных, отпадение, выпадение и наращение звуков, явления ассимиляции и диссимиляции, метатезы и др. Подробно описаны типы стяжения слов, словосочетаний, грамматических форм, включающих в свой состав два и более компонента. Интересен нетрадиционный раздел о произношении русских заимствований в южных говорах.

Раздел «Лексика» (автор Г. Джурев) относится к особым достоинствам рецензируемого труда. В нем впервые таджикская диалектная лексика (на базе группы южных говоров) стала объектом специального монографического исследования (раздел занимает большую часть тома — с. 87—294). На фоне общетаджикского слоя лексики выделяются слова, присущие только южным говорам. В общетаджикском лексическом фонде прослеживаются слова общеупотребительные и слова литературно-книжные, встречающиеся лишь в отдельных говорах или в речи отдельных лиц. Они сопоставляются с литературным языком по своим фонетическим и семантическим признакам. Наряду с общими словами, выделяющими южные говоры в особую группу и по лексическим особенностям, отмечаются рас-

хождения между говорами, которые ни в коей мере, как пишет автор, не нарушают их единства, а свидетельствуют лишь о том, что лексика является относительно быстро изменяющейся областью в системе диалектной речи и в ней бывают различия даже между территориально близкими говорами.

Значительную часть раздела составляет тематический анализ диалектной лексики. Выделяются многочисленные лексические группы: слова, относящиеся к жилищу и хозяйству, быту; названия одежды, женских украшений; названия животных и предметов, связанных с ними, птиц, насекомых; названия деревьев, растений, злаков; названия явлений природы; производственные и сельскохозяйственные термины, грамматические термины и мн. др. Страницы, посвященные характеристике каждой из этих групп, содержат весьма ценный материал.

Большое место в разделе отводится описанию диалектных синонимов, омонимов, антонимов. Они включают как общетаджикские слова, так и диалектизмы. В специальных главах отражены основные пласты лексики южных говоров — слова исконные, иранские, и заимствования — арабские, турецкие, русские и русско-интернациональные. Выявлено много слов, общих с памирскими языками.

Закрывают том два словника: 1) фонетических диалектизмов и 2) слов, использованных в разделе «Лексика». К сожалению, во втором и третьем томах словники отсутствуют.

При богатстве фактического материала и тщательности его систематизации остается желать лучшего техническое оформление тома. Не говоря уже о типографских огрехах (неряшливая брошюровка), некоторые фрагменты плохо вычитаны (например, с. 252), местами неаккуратная цитация (например, с. 253), неточные отсылки в словниках (см., например, отсылку на с. 153 при слове *пеш*). Подобные погрешности встречаются и в других томах (см., например, т. 3, с. 254, примеч. 15).

Второй том (ответственные редакторы Р. Гаффаров, Р. Л. Неменова, ответственный по печати — Дж. Мурватов) посвящается морфологии южного диалекта. Исследованы основные части речи — имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие (автор Дж. Мурватов), глагол (авторы Р. Л. Неменова, А. Л. Хромов) и служебные слова — предлоги и послелоги (автор Р. Л. Неменова), союзы (автор С. Атабуллаев). В особых разделах рассмотрены частицы, модальные слова, междометия, а также различного рода изобразительные слова (автор Б. Саадуллаев).

Том отличается большой полнотой, обилием фактического материала, имеющего первостепенное значение для диалектологической работы. Описание, как и в предыдущем томе, ведется прежде всего сопоставительно с литературным языком. На фоне общетаджикских черт в каждом разделе подчеркивается специфика диалекта. Она выявляется не только на чисто

диалектных признаках, но и на характеристике данных, общих для диалекта и литературного языка. В этом плане можно отметить, в частности, разделы, посвященные словообразованию, ставшему, пожалуй, впервые в таджикской диалектологии объектом столь детального изложения (см. с. 15—44 «Словообразование имени существительного и прилагательного»; с. 132—142 «Словообразование глагола»; с. 142—148 «Словообразование наречий»).

Синтаксис таджикских говоров систематически не изучался, отчасти из-за традиционно большей стабильности и консервативности его по сравнению с фонетикой и морфологией, отчасти из-за слабой разработанности теории синтаксиса в иранистике в целом. Между тем говоры свидетельствуют о сохранении архаических черт, с одной стороны, и появлении и внедрении синтаксических инноваций, с другой. Поэтому можно только приветствовать повышенное внимание таджикских диалектологов к синтаксису (ему посвящены два тома из пяти).

Третий том «Южных говоров таджикского языка» (автор Р. Гаффаров, ответственные редакторы — Д. Т. Таджиев, Р. Л. Неменова, ответственный по печати — М. Махмудов) представляет собой первое монографическое исследование диалектного синтаксиса, осуществленное на материале южных говоров таджикского языка. Описание синхронное, проводится традиционным образом. Сначала автор анализирует различные типы словосочетаний, затем состав и типы простого предложения (синтаксис сложного предложения — содержание четвертого тома «Южных говоров таджикского языка»). По ходу анализа даются сопоставления с современным литературным языком, по мере необходимости делаются экскурсы в историю — к языку памятников классической таджикско-персидской литературы. Для того, чтобы отчетливее выявить структурные особенности южных говоров, автор сопоставляет их также с данными других таджикских говоров, особенно наиболее отдаленных — северных.

Третий том в большей своей части (с. 33—228) посвящен анализу простого предложения. Меньшая часть (с. 15—32) отведена словосочетаниям. Книга снабжена предисловием (с. 3—14). Закрывают том главы о соотношении южных говоров с литературным таджикским языком и с другими группами таджикских говоров (с. 229—243); о говорных различиях внутри южной группы (с. 244—246), краткое заключение (с. 247—248) и комментарии (с. 249—268).

В предисловии Р. Гаффаров дает историю изучения синтаксиса таджикских говоров, а точнее — отдельных его аспектов, подчеркивая основополагающее значение труда В. С. Расторгуевой «Очерки по таджикской диалектологии». Весьма полезным представляется критический анализ работ по синтаксису таджикского литературного языка. Автор показывает хорошее знание современной литературы в области синтаксиса, в частности, синтаксических идей Н. Ю. Шведовой.

В главе «Словосочетания» исследуются

Те именные словосочетания, в которых в наибольшей степени проявляется специфика южных говоров (общие с литературным языком сочетания: числительное + существительное, местоимение + существительное — анализу не подвергались). Другие типы словосочетаний рассматриваются в главе «Простое предложение». Итак, в главе «Словосочетания» описаны следующие модели именных сочетаний: существительное + прилагательное, существительное + существительное, существительное + причастие, существительное + глагольное имя, в том числе инфинитив. Автор приводит своеобразные модели словосочетаний, например, имени существительного с препозитивным прилагательным, оформляемым как определяемое: *ганди тезум* «худшие из дров»; с повтором прилагательного после изафетной частицы: *ови шури шури* «соленая-пресоленая вода», а также разные типы повтора одного существительного: *чангали чангал* «чащоба», *марди мардун* (сев.-куляб.) «мужчина из мужчин»; сочетание имени с причастием будущего времени: *севи хурдани* (сев.-куляб.) «съедобные яблоки» и др.

Закрывают главу два параграфа: «Особый тип именных сочетаний» (с. 24—29) и «Роль упомянутых именных сочетаний в составе предложения» (с. 29—32). Эти параграфы посвящены конструкциям (которые автор называет вариантами словосочетания) типа *духтар-ра дил*, *духтар дил-аш*, *духтар-а дил-аш*, букв. «девушка, (ее) сердце...» (см. об этом также [1]). Приведем пример: *раис зан-чи йош-ай* (Гиссар) «у начальника жена молодая» (бук. «(у) начальник(а), жена-его молодая есть»). До недавнего времени считалось, что подобные конструкции составляют характерную черту северных таджикских говоров и возникли под влиянием узбекского языка. Р. Гаффаров вводит в научный оборот обширный материал южных говоров, где подобные конструкции также имеют место. При этом им представлены структурные разновидности конструкции, например, с инициальным и с финальным местоположением слова *духтар* [если брать за образец модель *духтар(а) дил-аш*], т. е. *духтар(а) дил-аш* и *дил-аш... духтар(а)*. Определена изоглосса этого явления по говорам.

Названные конструкции еще не нашли в иранистической литературе адекватного описания, хотя им уделялось внимание в достаточном количестве публикаций — на материале и таджикского, и персидского, и других иранских языков (основные концепции и литература приводятся автором). Разными исследователями в той или иной форме уже высказывалось мнение о принадлежности названных конструкций предложению (А. К. Аренде, М. Н. Боголюбов, Л. С. Пейсинов, Б. Аляви-М. Лоренц, Ю. А. Рубинчик)¹. В самом третьем то-

ме «Южных таджикских говоров» содержится скрытое подтверждение объективности такого мнения — в виде известного «нарушения жанра», или нарушения композиции. Оно выражается в том, что в главу «Словосочетания» включен неоправданный здесь специальный параграф об употреблении названных конструкций в предложении; кстати, подобные сведения отсутствуют при описании всех прочих моделей именного словосочетания. Очевидно, что место этому параграфу — в главе «Предложение». Нам представляется также более плодотворным описание названных конструкций в терминах актуального членения высказывания. Весьма желательным было бы пристальное изучение интонационного рисунка и наличия/отсутствия пауз в данных конструкциях. К сожалению, вопросы про소дии в целом относятся к области *desiderata* в таджикском языкознании. Они не вошли и в первый том «Южных таджикских говоров».

Как уже упоминалось, большая часть третьего тома «Южных таджикских говоров» посвящена простому предложению, причем исследуются лишь двусоставные предложения, поскольку односоставные мало отличаются от соответствующих моделей литературного языка. В главе «Главные члены предложения» (с. 33—102) рассматриваются способы выражения подлежащего (с. 33—45) и сказуемого (с. 46—97), а также согласование сказуемого с подлежащим (с. 97—102). Эта глава отличается полнотой изложения и умелым акцентированием специфики южных таджикских говоров. Автор приводит, в частности, образцы использования в функции подлежащего отглагольных имен (типа *тёрш* «стрижка», *дав* «бег»); случаи сопровождения указательных местоимений энклитическими личными местоимениями: *ушо-шу мехонан*, *ийо-шу не* (вахинско-каратегинск.) «те утаете, эти — нет»; эмфатическую конструкцию типа *хёди хёд-ём*: *хёди хёд-ём аспи хёд-ём-а дагондам...* «А я сам погнал свою лошадь» (каратегинск.). Он проводит также разграничение между употреблением в этой функции личных местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и местоимений 3-го лица, с другой. По мнению автора, первые употребляются, в основном, для стилистического усиления или при противопоставлении. По-видимому, лимитированный объем не позволил автору раскрыть этот тезис на более широком тексте, чем одно предложение. Подробно разбираются виды субстантивации прилагательных, при этом сделан ряд тонких наблюдений.

Внимание широкого круга иранистов привлекает детальное описание глагольных и именных сказуемых в южных таджикских говорах. Специфику этих говоров, как показано в разделе «Сказуемое», составляют сочетания с модальными глаголами *гёфтан* «хотеть» < «сказать» (сев.-куляб. *мегёрм гёфтам* «я хотела взять») и *гостан* «хотеть» (сев.-куляб. *дидан намегоҳём* «я не хочу видеть»), а также сочетания типа *гирём шёдём* «собрался взять» и др. Характерно для южных гово-

¹ Было проведено также разграничение структурно сходных моделей *ман бародар-ам хандид*, букв. «я, мой брат засмеялся» и *ман ханда-ам гирифт* «меня разобрал смех» на материале персидского языка (см. [2]).

ров также использование прошедших причастий на -гй (широко употребительных и на севере) — со связкой (типа вахинско-каратегинск. *мундаги астақ* «оставлена», рогск. *даридаги ас* «порван»), как и вообще преимущественное употребление связки в именных сказуемых.

По ходу описания Р. Гаффаров затрагивает вопросы морфологии, а также глагольного словообразования в широком смысле слова. Интересны наблюдения автора над аналитическим глаголом, в частности, над моделями с глагольными именами типа каратегинск. *пурсон мена* «спрашивает», сев.-куляб *шинохта кадъм* «я узнал»; над инвертированными аналитическими глаголами (*накард қабул* «не принял»); над моделями так называемых парных глаголов (*кардийан мондийан* «они сделали», букв. «сделали-оставили») и редуплицированных глагольных форм (мерава-мерава «идет-идет»); над значением глагольных форм настоящего-будущего времени и аориста (с. 51) и др.

Специфика южных таджикских говоров как более консервативных, сохраняющих черты, свойственные языку таджикско-персидской классической литературы и утраченные литературным таджикским языком, становится особенно наглядной, когда Р. Гаффаров анализирует второстепенные члены предложения, в частности, дополнения. Речь идет, во-первых, о так называемом немаркированном прямом дополнении (без послелога -а/-ра) со значением определенности (типа каратегинск. и чойники *сърх ай чо оварди?* «ты откуда привнесла этот красный чайник?»), во-вторых, о части косвенных дополнений (или обстоятельств), выраженных именем с предлогом, послелогом или с предлогом и послелогом одновременно (в том числе и энклитическим местоимением с послелогом -а/-ра, например: сев.-куляб. *йа нъмолак-чи-а бурда бѣдъм* «я отнес(ла) ему платочек», см. с. 125) и о некоторых других явлениях. На с. 120—121 приводится перечень специфических южнотаджикских предложно-послеложных конструкций (например, сев.-куляб. *боисти руган-а* «для масла»). К последним, кстати, неправомерно отнесено сочетание *ай тѣ-ра* в предложении: *ай тѣ-ра (жати туру) дидъм, зуб-ай* (вахинско-каратегинск.) «я видел твое (письмо), оно хорошее». В этом предложении прямое дополнение *ай тѣ* (употреблено вм. *жати тѣ*) оформлено послелогом -ра, но не предлогом и послелогом *ай...* -ра (в отличие, например, от сев.-куляб. *ай шъмо-ра* и *нагъта медуна* «он знает лучше вас»). Неточна формулировка на с. 121, отождествляющая предлог *дар* и послелог -(а)нда: на синхронном уровне это не одно и то же, хотя исторически оба восходят к праиран. * *antar* «в, внутри, между». Неверно называть послелогом *гуфта/гѣфта* (с. 174), особенно если учесть, что глагол *гѣфтан* может иметь модальный характер (о чем см. выше) и что во всех приведенных примерах *гуфта/гѣфта* стоит после личной глагольной формы.

Значительное внимание уделено однородным членам предложения (с. 203—215).

В разделе «Порядок слов» прослежи-

ваются разные типы инверсий — в зависимости от логического ударения.

Автор не обошел вниманием и средства выражения субъективной модальности — вводные модальные слова (с. 219—222) и средства обращения (особенно детально — частицы), неотъемлемую принадлежность разговорной речи. Специальная глава посвящена вопросительным предложениям.

Тщательный кропотливый анализ синтаксиса простого предложения и словосочетаний в южных таджикских говорах позволил автору подвести итоги в следующих направлениях:

1. Отношение южных говоров к современному таджикскому литературному языку (с. 229—231) — здесь имеются расхождения по целому ряду признаков (с современным таджикским литературным языком больше сближаются северные говоры).

2. Отношение южных говоров к языку таджикско-персидской классической литературы. Здесь автор констатирует черты значительного сходства в синтаксисе и южные синтаксические архаизмы возводит к языку, отраженному в памятниках IX—XII вв. (с. 231—232).

3. Отношение южных и северных говоров (с. 232—242) — тема, в более углубленном виде составившая часть докторской диссертации Р. Гаффарова (см. выше). Автор показывает здесь расхождения количественного и качественного характера, обусловленные различным культурно-географическим положением и разным окружением носителей этих диалектов (в частности, влиянием узбекского языка на северные таджикские говоры).

4. Отношение южных и юго-восточных таджикских говоров (с. 242—243) — наиболее близких между собой групп, где, несмотря на близость, имеется ряд расхождений.

Отмечая достоинства первых трех томов «Южных таджикских говоров», хочется выразить сожаление по поводу того, что заданная ограниченность объема вынудила авторов издания отказаться (за некоторыми исключениями) от передачи приводимого ими богатого иллюстративного материала на таджикском литературном языке. А ведь специфика южных говоров не всегда прозрачна даже для таджиков — носителей других диалектов. Возможно, не лишними были бы и сознательно опущенные разделы (например, об односоставном предложении и о словосочетаниях, общих с литературным языком — в третьем томе). Не мешало бы в каждом томе повторить список сокращений, используемых при иллюстративном материале. Эти меры облегчили бы пользование книгами и расширили бы круг читателей. В связи с последним, нам кажется целесообразным издание этого ценного диалектологического труда на русском языке.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что «Южные таджикские говоры» — это первое детальное исследование (по всем уровням) описание южного таджикского диалекта в целом. Впервые столь большое внимание уделено

южной лексики и синтаксису. Прослежены исторические связи южных говоров, а также их отношение к литературному таджикскому языку и другим группам таджикских говоров. Уточнена классификация южных говоров. Введен в научный и практический оборот богатейший языковой материал южного ареала. Издание несомненно будет способствовать решению проблем культуры таджикской речи. Коллективный труд «Южные таджикские говоры» — весомый вклад в таджикское языкознание и в иранистику в целом.

Керимова А. А., Молчанова Е. К.

Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. [Отв. ред. Расторгуева В. С. — М.: Наука, 1981. 275 с.

В последние десятилетия возрос интерес советских и зарубежных ученых к изучению фразеологии иранских языков, как распространенных в СССР, так и за его пределами (таджикского, осетинского, памирских, курдского, персидского, пушту, дар и др.). Советские иранисты вносят весомый вклад в разработку теории фразеологии, о чем красноречиво свидетельствует рецензируемый труд Ю. А. Рубинчика, представляющий собой основополагающее исследование по персидской фразеологии.

Неоспоримое достоинство монографии состоит в том, что в ней впервые на материале одного из наиболее распространенных иранских языков с древней литературной традицией — современного литературного персидского — разработаны и приведены в определенную систему наиболее важные теоретические положения, касающиеся фразеологии этого языка, обобщены имевшиеся до этого в отечественной и зарубежной лингвистической литературе сведения и введены в научный оборот новые конкретные факты, подвергшиеся в работе строгому научному анализу, определившему их статус и место в исследуемой фразеологической системе. Системность, строгий учет объективных критериев каждого описываемого явления позволили, по нашему мнению, автору максимально избежать субъективного подхода при интерпретации персидских фразеологических единиц (ФЕ), их структуры, семантики и функционирования.

Посвящая работу синхронному описанию структурно-семантических типов персидских ФЕ, автор убедительно показывает и отстаивает целесообразность широкого понимания объема фразеологии. Такой подход позволяет автору в рамках границ фразеологии рассматривать наряду с устойчивыми словосочетаниями, функционально аналогичными слову (номинативу) и не вызывающими споров, также и устойчивые фразеологизмы-предложения (ФП) с коммуникативным характером фразеологического значения, в том числе пословицы и поговорки; наряду с эмоционально-экспрессивными,

1. Гаффаров Р. Синтаксис таджикских говоров в сравнительном освещении (простое предложение): Автореферат дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Душанбе, 1980, с. 10.
2. Белицын А. П. О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке. — В кн.: Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976, с. 37—48.

или «метафорическими», ФЕ — и обороты стилистически нейтральные; наряду с идиомами, компоненты которых пересмыслены, — и ФЕ неидиоматического характера, в том числе составные термины.

Широкое понимание объема фразеологии представляется нам правомерным. Фразеологическая наука шагнула вперед, и нет надобности доказывать, что разработка ее теории проводится ныне на материале устойчивых словесных комплексов как со структурой словосочетания, так и предложения. Ибо, как справедливо утверждает автор, ни номинативная (в том числе специальная у составных терминов), ни коммуникативная функции устойчивых единиц (в соответствии с характером их фразеологического значения) не противоречат их фразеологичности, т. е. воспроизводимости в качестве готовых единиц языка (с. 21). Наблюдения над фразеологическими единицами многих языков, в том числе иранских, показывают также, что автор рецензируемого труда прав в своем утверждении, что «фразеологичность не обязательно создается семантической перестройкой компонентов» и что не всем персидским ФЕ, даже идиомам, присуща эмоционально-стилистическая окрашенность, которая и не является свойством общефразеологическим (с. 14). Четкая позиция автора, основанная на широком понимании объема фразеологии, дала возможность сделать новый шаг к выявлению и изучению фразеологического состава персидского языка, включая сюда так называемые моделированные образования (именные, глагольные, ФП) — «устойчивые сочетания слов серийного типа, построенные по определенным структурно-семантическим моделям ограниченного характера» (с. 15).

К определению понятия фразеологизма Ю. А. Рубинчик подходит комплексно, с учетом различных семантических и структурно-грамматических признаков устойчивости («важнейшего дифференциального признака ФЕ», с. 16) как свойств общефразеологических. Не без основания к таковым он относит те, что создают